

МОСКВА

★ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА ★

А. Остроумов-Лебедев

Гравюра на дереве.

А. Петровская. Дебелена.

Венеція (Гравюра на деревѣ)

Вячеславъ Ивановъ УТѢШИТЕЛЬНИЦА (сонныя грезы).

I

Неудовный поцѣлуй
Чело коснулся? Доль крошкшвыи
Раздакнулся... Благовѣстувъ
Въ тюрьмѣ унылой, духъ утѣшныи!

Звѣзда ль, плывя во мглѣ сѣвной,
Иль предвосная лампада
Меня ведетъ по стогнамъ Ада?
Иду безчувственной стовой

По плитамъ разожженнымъ, по льду
И въ сѣни смертной, сквозь туманъ.
Очей потуснлыхъ, какъ Трястанъ,
На мягъ распознаю—Изольду!

II

Дремоты съ явью зыбкой
Въ ибнѣющемъ боревнѣ,
Нечаянвой улыбой,
Саятая, озаренье
Совладу ты даруешь
И съ леветомъ надежды
Въ чело меня дѣлуешь
И въ сомкнутыя вѣжды.
„Чу“,—шепчешь,—„гдѣ то пѣнье...
Чу, праздникъ—ельмшшъ?—гдѣ-то
Тамъ—встрѣча, тутъ—усевье...
Гоставы въ мушакъ свѣта“!
И робко сердцу мянтся:
Та встрѣча—камъ потреба,
И въ шей съ землей мнрятся
Прогнѣванное небо...

III

Въ глухую третью стражу мнѣ
Даво подь облакомъ шатин
Къ произрастаю событи
Прислушиваться въ тшннѣ.

Ночь, Аргуса многоочлѣтѣ,
Глядитъ въ мой лабиринтъ извнѣ.
Не Ариадна ли въ окнѣ
Мерцаетъ вряжей звѣздныхъ вѣтей?

—„Я чудо миру наприла“...
И вторить вѣсти запредѣльной
Струмы звучанье подземельной.

И, раскалясь до бѣла,
Изъ рукъ дѣвчннхъ свѣтъ кудельный
Рука прозрачная взяла.

IV

Вѣтан надо мною
Древо простираетъ;
Солнечной волною
Въ вѣткахъ замираетъ
Райской шибетуанъ
Ввсточка святая..
Пордн!..—и нѣтъ вѣщувн
Скрылась улетая
Съ ввсточкой счастливой..
Нѣтъ и дива—древа..
Ахъ, а нѣтъ въ ревннвой
Памяти шавѣва.

Валерий Брюсовъ

ВЪ ГОРНЕМЪ СВѢТѢ.

Я сознаю, что постепенно
Душа истончается. Мгла
Ложится въ ней. Но, неизменно,
Мечта свободная — свѣтла!

Бывало жизнь мучили страсти,
Какъ черный вихрь морскую гладь,
Я, у враждебныхъ чувствъ во власти,
То жаждалъ мстить, то могъ рыдать.

Но, какъ орелъ въ горахъ Кавказа,
За кругомъ кругъ, уходитъ въ высь,
Чтобъ скрылся отъ людского глаза,—
Желанья выше вознеслись.

Я больше долинныхъ смуть не вижу,
Ничьяго восторговъ не дѣлю;
Я никого не ненавижу
И, — страшно мыслить, — не люблю!

Но, съ высоты полета, бездны
Открыты мнѣ былихъ вѣковъ:
Судьбы мнѣ внятень ходъ желѣзный
И вопль умолившихъ голосовъ;

Прошедшее, какъ дно морское,
Узоромъ стелется вдали;
Тамъ баснословныхъ дней герои
Идутъ, какъ строемъ корабли.

Вникая въ смыслъ тысячелѣтій,
Въ завѣты презрѣнныхъ наукъ,
Я словно слышу, въ горнемъ свѣтѣ,
Планетныхъ сферъ плѣвучій звукъ;

И прежнему призванью вѣренъ,
Тотъ звукъ переливаю въ стихъ,
Чтобъ онъ, отчетливъ и разбѣренъ,
Пѣлъ правду новымъ сновъ моимъ!

М. Кузминъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Наверно, вѣжнѣй Ходовецкии
Гравировалъ мои мечты:
И этотъ садъ полуѣмецкій,
И сельскій домъ, земного дѣтскій,
И барбарские кусты.

Пролился дождь. Воздушны мысли!
Изъ оконъ рокочетъ розныхъ гамма...
Душа стремится (вдали ли? вьмсь ли?).
А капля на листьяхъ повисла,
И по карнизамъ пятится гамма.

Гроза стаяетъ за холмами,
Ей отбѣчаетъ въ роцѣ рога,
И дядя съ круглыми очками
Ужъ наклоняетъ надъ цвѣтами
Въ цвѣтахъ невдаваемыхъ шлафрога.

И радуга, и мостъ, и всадникъ, —
Все видится мнѣ безъ конца, —
Какъ блестятъ мокрые палисадники,
Какъ лопать на луку лошадиныкъ
Отбывшаго жеребца...

Кто прїѣзжаетъ? кто отбудетъ?
Но мальчишъ вышелъ на крыльцо.
Объ ужнѣ онъ позабудетъ,
А теплый вѣтеръ долго будетъ
Ласкать открытое лицо...

*

Забуксталось небо къ вечеру,
Замерзло окно,
Не надо весеняго вѣтра,
Мнѣ и такъ хорошо.

Можетъ быть, все разрушилось,
Не будетъ никогда ничего.
Трескъ фатилы слушай,
Еще не темно...

Не навѣки душа замуравлена,
Развѣ зима смерть?
Алымъ ударить въ ставни
Страстной четвергъ.

Я ПЕРМОНАХО ВЪЗЪ ПАМЯТИ ХОДЛЕРА 1853 — 1918

Истекший годъ, столь катастрофическій для стараго міра, унесъ изъ авангарда европейскаго искусства одну изъ наиболѣе крупныхъ и сложныхъ фигуръ, въ самомъ художественномъ обликѣ которой было нѣчто полу-современное, полусредневековое. Фердинанда Ходлера рисуешь себѣ не въ костюмѣ нынѣшняго покроя, но скорѣе въ одеждѣ рыцаря съ четкимъ жестомъ, гордой осанкой и плавно рѣющимъ знаменемъ въ рукѣ. На этомъ знамени—дѣйствиительно-холодныя голубыя письма. Какъ вѣкій Дюпъ Кихотъ грезилъ Ходлеръ—среди нашего дѣловитаго и механическаго вѣка!—о чемъ-то важномъ и торжественномъ: о красотѣ человѣческой позы, о древней связи человѣка съ космосомъ, о сдѣланныхъ живописи съ архитектурой, о широкой фресковой стѣнописи...

Былъ ли однако Ходлеръ лишь рыцаремъ печальнаго образа? Анахронизмъ ли—его живопись, остался ли одинокимъ его патетическій жестъ? Мировая извѣстность художника опровергаетъ это предположеніе. Его созданія—предметъ соперничества многихъ—особенно германскихъ музеевъ; не далѣе какъ въ 1913 году Ходлеръ былъ почтенъ и ретроспективной выставкой въ парижскомъ Осеннемъ Салонѣ. Столь же отрицательно отвѣчаютъ на поставленный мною вопросъ и современная художественная критика. Имя Ходлера стало для нея символомъ цѣлаго направленія, противоположнаго французскому модернизму; Фрицъ Вургеръ (убитый подъ Верденомъ) такъ и озаглавилъ свою книгу „Сезаннъ и Ходлеръ“, утверждая тѣмъ самымъ равноцѣнность обѣихъ полярныхъ вершинъ современнаго искусства. Все это свидѣтельствуетъ о живомъ и животрепещущемъ значеніи ходлеровскаго творчества, о томъ, что покойный былъ большой и самобытной индивидуальностью.

Однако, при всемъ своемъ ореолѣ, имя Ходлера окружено какимъ-то холодкомъ; у него много почитателей, но мало поклонниковъ и немало противниковъ. Искусство Ходлера—явленіе самоцѣльное и сложное; художникъ прославленъ, но еще не понятъ. Кто онъ, какой культурѣ онъ принадлежитъ? Является ли онъ представителемъ отвлеченнаго „германскаго духа“ въ искусствѣ (недаромъ главнымъ заказчикомъ его была Германия) или живописцомъ въ современномъ смыслѣ этого слова? Можно ли противопоставлять Ходлера Сезанну—во-первыхъ, слишкомъ несоизмѣрны ихъ устремленія, проте-

кавшія въ столь различныхъ плоскостяхъ, какъ пейзажи и натюрморты второго и национально-героическая стѣнопись перваго; во-вторыхъ далеко не все въ искусствѣ Ходлера отъ „Германи туманной“.

Ходлеръ—но германецъ и не французъ; онъ—швейцарецъ рожденный въ Бернѣ и созрѣвшій въ Женевѣ и Парижѣ. Здѣсь, мнится мнѣ, ключъ къ уясненію ходлеровской сложности и двуединства. Въ немъ, соотечественникѣ Хольбейна, есть германская философичность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, французская любовь къ композици и свѣтлому колориту. Ходлеръ былъ художникомъ-мыслителемъ, для котораго содержание и форма одинаково цѣнны. Несправедливо поэтому упрекаютъ его въ сплошной разсудочности и „литературщинѣ“; но не совѣтъ правы и тѣ, для которыхъ Ходлеръ—последнее слово новой красоты. Въ нашу эпоху, столь склонную къ дробному созерцанію, къ бѣглымъ этюдамъ, Ходлеръ съ рѣдкой настойчивостью и размахомъ выдвинулъ великія проблемы синтетическаго и монументальнаго искусства; но онъ не разрѣшилъ ихъ до конца. Придутъ другіе, молодые, и выпавшее изъ руки Ходлера знамя обновится новымъ и болѣе современнымъ стягомъ.

Ходлеръ—дитя Гельвеции, уроженецъ горнаго кантона, сынъ столяра. И на всей его личности, какъ и на всемъ его творествѣ, залегла печать пуританской строгости—той суровой, почти героической воли, съ которой нѣкогда утверждала себя маленькая нація Разумѣется упорство Ходлера прежде всего направлено было на одолѣніе эстетической косности собственной родины, ставшей типичной страной Салпо Пансъ. Художнику, еще юношей переселившемуся въ Женеву суждена была долготѣнная горечь нужды и борьбы прежде чѣмъ его имя сдѣлалось гордостью швейцарцевъ. Такъ, одна изъ его раннихъ картинъ, „Ночь“, украшающая теперь Бернскій музей, была исключена съ женевской выставки по распоряженію полиціи за то, что заключала въ себѣ обнаженные фигуры забывшихся въ усталомъ и кошмарномъ снѣ мужчинъ и женщинъ...

Съ этихъ образовъ человѣческой усталости и бѣдности и начался творческій путь Ходлера; самая палитра его была овѣяна земною тѣнью. Однако художникъ преодолѣлъ свой пессимизмъ; ночной кошмаръ разсѣялся.

Ходлеръ словно поднялся на высокую гору, откуда передъ нимъ раскрылся, болѣе широкій кругозоръ и гдѣ въ колоритѣ его воцарился ровный, вѣчно-синій день. „Дѣтство“, „Пробужденіе“, „Юноша и дѣвы“, „Старцы“—таковы отнынѣ новыя ходлеровскія темы, охватывающія важнѣйшіе моменты человѣческаго бытія. Художникъ взглянулъ на жизнь въ ея цѣломъ, и даже въ человѣкѣ его стало интересоваться не индивидуальное и характерное, а общее, родовое, всечеловѣческое.

При всей отвлеченности и сложности этихъ темъ, сближающихъ Ходлера съ міромъ германскаго искусства, Ходлеръ все же избѣжалъ тѣхъ аллегорическихъ и мифологическихъ мотивовъ, которыми загромождено творчество Беклина, Штука, Шнейдера, Климта и Клингера. Ему незачѣмъ было прибѣгать къ различнымъ приходящимъ элементамъ (въ родѣ амуровъ, лиръ, змѣй, череповъ)—его идеи олицетворились въ самихъ человѣческихъ образахъ. Такъ, идею „разочарованія“ Ходлеръ воплотилъ въ фигурахъ старцевъ съ поникшими руками и мудрымъ равнодушіемъ на лицѣ. Это перенесеніе центра тяжести содержаща въ фигуру самого человѣка—межа, отдѣлявшая Ходлера отъ наивнаго символизма германцевъ.

Человѣкъ—вотъ пафосъ ходлеровской живописи; поза и жестъ—вотъ мощные средства ходлеровской выразительности, ключи къ раскрытію идеи его картинъ. Но это не значитъ, что художникъ „схватываетъ“ характерные моменты въ поведеніи того или иного человѣка. Ходлеръ—не реалистъ; онъ не подглядываетъ жизнь, но самъ въявляетъ ее, отбрасывая все случайное и индивидуальное. Онъ внушаетъ зрителю то или иное настроеніе, заставляя свои фигуры двигаться, словно въ мимическомъ танцѣ, закономерно и строгомъ, какъ искусство балета, этотъ нѣмой переводъ душевныхъ движеній. Ходлеровскій человѣкъ—въ вѣчномъ движеніи. Мощнымъ взмахомъ рубить дерево дровосѣкъ; расправляя члены пробуждаются женщины, зачарованный полонъ убѣгаетъ отъ дѣвъ юноша, медленно передвигаются усталые старцы, тяжело шагаютъ раненые воины; герои—стремительно собираются въ походъ добровольцы.

Ходлеръ ищетъ въ движеніи прежде всего ритмъ; отсюда очевидна и вторая черта его творчества—стремленіе къ массовымъ сценамъ, къ коллективному ритму. Подобно режиссеру, Ходлеръ организуетъ на полотнѣ своихъ героев въ группы и процессіи, и жесты и позы ихъ, многократно повторенные, сливаются въ единую гармонию. Человѣкъ Ходлера—существо социальное, находящееся въ созвучіи съ другими существами. Этотъ хороший характеръ творчества Ходлера съ наибольшимъ пафосомъ воплотился въ его стѣнныхъ панно на героическихъ темы. Въ этихъ монументальныхъ полотнахъ художникъ сумѣлъ подняться отъ историческаго эпизода до зрѣлица общечеловѣческой эпопеи и обнаружилъ себя, какъ величайшій послѣ Пюви де Шаванна декораторъ нашего времени. Таково лучшее созданіе Ходлера—„Отступленіе швейцарскихъ воиновъ послѣ битвы при Мариньяно“, украшающее стѣну Цюрихск. Нац. Музея; таково панно юенскаго университета „Отправленіе въ походъ студентовъ-добровольцевъ“, символизирующее маршевымъ ритмомъ воинственный энтузіазмъ. Таково и гигантское панно ганноверской городской думы, изображающее парадное собраніе XVI вѣка—гдѣ въ клятвенномъ вознесеніи цѣлой сотни рукъ властью воплощена идея человѣческой солидарности, „Единодушія“...

Отсюда и третья черта. Ходлеръ не удовлетворяется исканіемъ Гармонии среди людей—онъ ищетъ единства и между человѣкомъ и природой. Для насъ природа стала враждебнымъ хаосомъ, для Ходлера, уроженца горъ и озеръ, она закономерно организованный космосъ. Художникъ находитъ въ ней отзвуки человѣческихъ чувствъ, отраженія человѣческихъ движеній. Развѣ не

одинъ и тотъ же ритмъ органической жизни править міромъ и развѣ не вторитъ горное эхо человѣку? Такъ, въ лучшемъ изъ произведеній Ходлера, „Вильгельмъ Телль“ бурные облака и просини неба отражаютъ жестъ ужаса и восторга, съ которымъ герой спускается стрѣлу.

Свою эстетическую теорію, названную имъ „параллелизмомъ“, Ходлеръ опредѣлялъ въ слѣдующихъ словахъ: „Если мой путь приводитъ меня въ сосновый лѣсъ, я вижу стволы деревьевъ направо и налево, вздымающіеся какъ колошны, меня окружаетъ одна и та же многократно повторенная вертикальная линия... Когда смотришь на лугъ, испещренный цвѣтами, испытываешь то же впечатленіе единства. Аналогію всѣхъ частей являетъ и громажденіе горъ... Тотъ же принципъ порядка мы видимъ и въ строеніи человѣка и животныхъ, въ симметріи правой и лѣвой частей, въ сравненіи нашей жизни съ явленіемъ природы.“

То, что соединяетъ людей сильнѣе того, что ихъ раздѣляетъ. Чувства и условия человѣческой жизни одинаковы для насъ всѣхъ. Наши радости и горести повторяются у нашихъ ближнихъ и проявляются во вѣхъ въ одинаковыхъ жестахъ“...

Благородное исповѣданіе, роднящее Ходлера съ апостолами мировой солидарности, съ Рескинсомъ и Толстымъ!..

И тутъ опять предчувствую предательскій вопросъ: не сушить ли вся эта теорія ходлеровскаго вдохновенія? Я отвѣчу на него тѣмъ, съ чего началъ: искусство Ходлера сложно, какъ сочетаніе разныхъ культуръ. Его свѣтлый колоритъ обличаетъ въ немъ подлиннаго живописца; его линейный языкъ, въ началѣ отвлеченный и раздробленный, достигъ широкой выразительности; рѣдкій художникъ владелъ подобнымъ даромъ контура, ибо самыя задачи Ходлера требовали мелодіи линій, живописнаго силуэта. Въ искусствѣ Ходлера не мало прекрасной четкости, и здѣсь, быть можетъ, сказались годы ученья у одного изъ птенцовъ ателье Энгра, женевскаго художника В. Менна... И вмѣстѣ съ тѣмъ, германо-швейцарское упорство Ходлера, его „крѣпкіе нервы“, его чрезвычайная крестьянская воля (при отсутствіи латинскаго чувства мѣры) внесли холодокъ схематизма въ его композицію. Въ симметріи Ходлера нѣтъ того великаго начала, которое далъ намъ Гуманизмъ—разнообразіе въ единствѣ.

Быть-можетъ, этотъ холодокъ не столько вина художника, сколько бѣда всей нашей культуры. Ходлеръ—не случайность въ европейской жизни. Зрѣлище этого артиста, искавшаго—среди нашего хаоса и неустройства!—гармонию между людьми и единства съ природой, искавшаго во что бы то ни стало, съ схематическимъ упорствомъ—само по себѣ величественно и благородно. Въ этомъ смыслѣ, какъ мечтатель о платоновой „Эвритміи“, Ходлеръ не былъ одинокомъ—быть-можетъ, невѣдомо для него самого, онъ работалъ въ томъ же направленіи, что и Далькроцъ, воспитатель жеста, мечтатель о повомѣ, гармонически развитомъ и волевымъ человѣкѣ. Дунканъ, Далькроцъ, Ходлеръ—звонья и знаменья одного и того же порядка.

Но—и въ этомъ трагедія Ходлера—еще не настала часть для рожденія этого чаемаго прекраснаго человѣка, для этого свободнаго единодушія между людьми, для этого толстовскаго міра съ природой. Только что отшумѣла война, движимая принудительной дисциплиной и двигавшая людьми съ параллелизмомъ театра маршнотокъ. Лишь грядущей, болѣе человѣчной и демократической эпохѣ удастся воспитать новыя поколѣнія, сочетая разнообразіе съ „параллелизмомъ“, личную свободу съ интересами цѣлаго, индивидуальность съ „порядкомъ“. Удастся ли? Будемъ вѣрить. Для Ходлера эта вѣра была религіей.

К. Бальмонтъ
РЕБЕНКУ БОГОВЪ.

Ты солнечный богачъ. Ты пьешь, какъ медь, закатъ.
Твое вино разсвѣтъ. Твои созвучья, въ хорѣ,
Горопяте принять, въ спѣшащемъ разговорѣ,
Цвѣтовъ загрезившихъ невнятный ароматъ.

Вдругъ въ золотой потокъ ты ночь обрушить радъ.
Гамъ гдѣ-то далеко разсыпчатая зори,
Какъ нитка жемчужовъ, и въ свѣтовомъ ихъ спорѣ
Темнѣющей растеть съ угрозыми гуломъ садъ.

И ты, забывъ себя, но сохранивши свѣты
Степного ковчига, вѣпоеннаго веской,
Изъ мерцанихъ мечты, все новой, все иной,

Съ травинкой поиграешь въ попросы и отвѣты.
И, въ звукъ свой заронивъ поющая примѣты,
Изъ ночи играешь въ мячъ съ серебряной луной.

Владиславъ Ходасевичъ.
НЕПРІЯТНЫЙ СОНЕТЪ.

Нѣтъ, есть во мнѣ прекрасное, но стыдно
Его назвать передъ самимъ собой.
Передъ людьми жъ—подавно: съ ихъ обидной
Душа не примирится похвалой.

И вотъ живу, чудесный образъ мой
Скрывъ подъ личиной низкой и схидной...
Взгляни сюда: по травкѣ золотой
Ползаетъ паукъ съ отмѣткой крестовидной.

Предъ нимъ ребенокъ спрячется за мать
И ты, мой другъ, спѣшишь его согнать
Рукой пугливой съ шейки розовой.

И онъ бѣжитъ отъ гнѣва твоего,
Быть можетъ, самъ не вѣдая того,
Что значить знакъ его спицы мохнатой.

С. Абрамовъ
ЛѢСЪ И ПОЛЕ.
Сонеты

Какъ хмуро-непривѣтливъ боръ сосновый!
Ряды стволовъ. И рѣдкая трава.
И ели темное пятно едва
Разнообразить видъ среды суровой.

Среди березъ печалью вѣсть новой.
Войди въ ихъ миръ, надъ коимъ синева,
Услышишь грустную невѣсть слова
И слезы, что роняютъ, плача, вдовы.

Веселье только тамъ, гдѣ свѣтлый кленъ.
Гдѣ липа разрослась широкой тѣнью
И мухъ и пчелъ стоятъ немолчный звонъ.

Съ березой ель, обнявшись, внемлютъ пѣнью.
И темной ели врачный взоръ смягченъ,
И предана печаль березъ забвенью.

Медвяно-пряный эной. Въ разгарѣ лѣта.
Горить съ утра обильная роса.
И блещутъ голубая небеса
Огнемъ лучей и пламеннаго свѣта.

Въ груди пѣжнѣйшая изъ струвъ задѣта.
Не гадокъ скользкій ужъ. Не врагъ оса.
И радуютъ безмолвемъ лѣса.
А поле—съ пестротой его букета!

Цвѣтовъ, съ собой принесшихъ ярки смѣхъ.
И нѣжное полей благоуханье,
Прекрасно всѣхъ отбѣлковъ сочетанье.

Но василекъ съ ромашкой краше всѣхъ.
И жениху—ему и ей—невѣстѣ
Всѣхъ радостнѣй быть юными и вмѣстѣ!

БОРИСЪ ЗАЙЦЕВЪ СЕРЖА РАЗСКАЗЪ

Василиса Петровна вздохнула, и вытащила изъ комода, на которомъ въ рамкѣ изъ ракушекъ стояла фотография и лежало нѣсколько бумажныхъ розъ—кусочекъ мыла, синевато-мраморнаго цвѣта.

— И ужъ такъ нечисть, такъ нечисть, что просто душенька бы моя не глядѣла.

Василиса Петровна, немолодая, мучительно-хозяйственная женщина, жена богатаго хуторянина, жившаго на семидесяти десятинахъ помѣщикомъ; была жалостлива, и вообще склонна къ слезамъ. Горько могла рыдать о пропавшей индюшкѣ, о неудавшемся пирогѣ. Десятки маленькихъ огорчений терзали ее. Ея лицо, нѣкогда красивое, выражало теперь сплошной вздохъ. Глаза, какъ будто-бы, всегда заплаканы.

— И по-одумать, говорила она, вапирая на о, по-ярославски: по-одумать, гдѣ мыться-то выдумалъ, на галдарейкѣ. Миѣ, го-оворить, здѣсь свѣту больше, и видъ хороши! О, Господи Ватюшка, Царица Небесная!

Она вышла на стеклянную галлерейку дома, залитую весеннимъ свѣтомъ. Посреди стояла лохань, рядомъ два ведра съ холодной и горячей водой. Легкій паръ шелъ отъ кипятка.

Человѣкъ неопредѣленныхъ лѣтъ, въ небольшомъ капорѣ, кацавейкѣ, женской юбкѣ и мужскихъ сапогахъ стоялъ около ведеръ, пробуя воду пальцемъ. Маленькие его глаза оживленно бѣгали; по небритымъ щекамъ росла желтоватая щетинка.

— Вотъ и благодаренъ, очень вамъ благодаренъ, Василиса Петровна, заговорилъ онъ быстро и вѣжливо: я теперь отлично вымоюсь, а то меня очень вошки заѣли, такъ кусаются, такъ кусаются... Тутъ очень свѣтло, и видъ хороший со второго этажа, садъ, зелень, лѣсоочекъ... совсѣмъ по благородному. Сережа снялъ кацавейку и почесался.

— Довершите вашу любезность, сказалъ онъ: когда я буду мыться, потрите миѣ спинку. А то, знаете-ли, трудно самому, очень трудно.

— Ну и скажешь, правда, ну и такое скажешь... Василиса Петровна опять разстроилась.

— Какъ-же я тебѣ спину буду тереть, когда я женщина. не какая-нибудь... Миѣ вѣдь неудобно, ты мужчина.

— Что вы, что вы, я-бы никогда не осмѣлился... Но чего же меня стѣсняться? Я самъ женщина... вы-же знаете.

— О-охъ, блаженный ты, блаженный... На вотъ тебѣ мыла, приплю мальчишку, онъ тебѣ поможетъ.

Сережа засмѣялся мелкимъ смѣшкомъ, и по-женски закрылъ руками грудь.

— Только маленькаго, а то взрослога я постыжусь, они насъ обидѣть могутъ...

Василиса Петровна вздохнула, и ушла.

Сережа снялъ рубашку, юбки, попробовалъ обмыться холодной водой, но показалось неприятно. Горячая слишкомъ была горяча. Много времени онъ потратилъ, чтобы сообразить, что воду надо смѣшать. Что-то напѣвалъ, мурлыкалъ, подходилъ къ стеклянной стѣнкѣ, и глядѣлъ, какъ работникъ везъ въ колымажкѣ навозъ подъ яблони. Наконецъ, съ блаженнымъ видомъ сталъ оттирать мыломъ свое тѣло—худенькое, желтое, со слѣдами многихъ укусовъ. Когда черезъ нѣсколько времени къ нему вошелъ рыжий мальчикъ лѣтъ десяти, съ бойкой рожицей.—Сережа, тощій, съ подведенными ребрами, какъ Иоаннъ Креститель, стоялъ въ лохани, по колѣна въ во-

дѣ, и радостно улыбался. Онъ забылъ лишь свѣтъ сапоги—такъ въ нихъ и мылся. Мальчикъ взглянулъ на него, приснулъ, но все-же помогъ.

Черезъ четверть часа Сережа одѣлся—ему дали чистую рубашку; причесался, надѣлъ капоръ, кацавейку, и пришелъ благодарить Василису Петровну. Увидѣвъ на комодѣ бумажныя розы, онъ попросилъ, нельзя-ли взять одну, на память.

— Моя покойная сестрица очень розы любила, говоритъ онъ, прикалывая цвѣтокъ къ капору и глядясь въ зеркало.—Цакъ вы думаете, Василиса Петровна, миѣ желтая больше пойдетъ, или красная?

— Да ужъ бери, бери, что тамъ разсматривать.

Василиса Петровна вздохнула. Она вспомнила, что скоро будутъ дѣлить у нихъ скотъ и инвентарь. На глазахъ ея выступили слезы.

— Прощайте, сказалъ Сережа.—Еще благодарю васъ Василиса Петровна. А теперь возьму палочку... миѣ итти надобно—некогда, некогда-съ, Василиса Петровна.

— Да какія у тебя дѣла-то!

Василиса Петровна была права. Сравнительно съ ней, чей день полонъ былъ заботами о скотѣ, индюшкахъ, курахъ, пирогахъ—Сережа могъ считаться совершенно празднымъ.

Онъ спустился внизъ. Собаки залаяли. Но онъ ихъ не боялся. Да и они не отвесились къ нему всерьезъ. И онъ двинулся по деревнѣ, мимо пруда.

*

Быль апрѣль, время ранней весны, когда едва поля обсохли, снѣгъ въ оврагахъ не дотаялъ, пригрѣваются взгорья, затянутыя сѣровой пленкой. Появилась крапива, да тонкая, изумрудная иглы гусиной травки. По дорогамъ пустынно; если крестьянинъ встрѣтится,—чаще верхомъ, на нечищенной, патлатой и голодной лошадекѣ. Но ужъ тепло; нѣжно голубѣетъ небо, блѣдно-размыты зеленоватая зелень. И еще нѣсколько дней, скотъ, насыщійся по парамъ, станетъ кой-что доставать.

Церковь въ селѣ Никоновѣ, куда брелъ Сережа, стояла въ сторонѣ, за барскимъ садомъ. За церковной оградой, съ плитами памятниковъ, начинался осинникъ, сейчасъ еще голый, сѣро-зеленоватый; тамъ влажно, кой-гдѣ лютикъ желтѣетъ, да бѣлѣетъ снѣгъ. На паперти яркочерной церкви съ зеленымъ верхомъ стояли бабы, дѣвушки, нѣсколько стариковъ. Человѣкъ съ прямымъ проборомъ, примасленными, блестящими волосами—невымершій еще русскій типъ—отворялъ ворота въ ограду, всматривался въ дорогу между садами, хлопоталъ—видимо, принималъ близкое участие. На колокольнѣ перезванивали. Могильщики, здоровые парни въ солдатскихъ гимнастеркахъ, съ завитыми чолками, кончали могилу. Желтая земля ярко выступала на снѣгу.

Сережа пробрался къ бабамъ, тоже смотрѣлъ, улыбался, иногда бормоталъ про себя.

Высокій помѣщикъ, съ сѣдыми усами и огромными руками, въ поддевкѣ, сказалъ полковнику, указывая на него:

— А вѣдь богатѣйшій былъ человѣкъ!

Полковникъ, бритый, съ небольшимъ бобркомъ, ястребинымъ носомъ, несмотря на изгнание походилъ еще на множество полковниковъ.

— Помѣшанный?—спросилъ онъ разсѣянно.

— Въ этомъ родѣ. У него, изволите-ли видѣть, сестра нѣкогда была... Ну-те-съ... Эта сестра умерла. И

онъ. представьте себѣ, вообразилъ, что душа сестры въ него переселилась, и что онъ женщина... Обратите внимание, у него и роза прикрѣплена... вонъ какъ... однимъ словомъ, несчастное существо...

— Это бываетъ, сказалъ устало полковникъ.— У меня въ четвертой ротѣ рядовой себя корпуснымъ командиромъ объявилъ. Пришлось удалить.

— Но замѣтите, что вотъ онъ явился-же на похороны. Надо вамъ доложить, что покойный Андрей Михайловичъ, какъ секретарь дворянской опеки, изъ дворянскихъ суммъ нанималъ ему комнатку, этакое, знаете-ли, пристанище... Однимъ словомъ, не забылъ послѣдній долгъ отдать.

Полковникъ поморщился.

— Ну, врядъ-ли понимаетъ... Посмотрите, чѣмъ занялся.

Сережа, подъ шопоть и смѣшки молодыхъ бабъ, подошелъ къ кусту акаціи, снялъ капавейку, сталъ ее вытряхивать. На солнцѣ блеснула золотая серьга въ ухѣ.

— Такъ, такъ, хорошенько тряхни.— посмѣивались бабы. Старшія ихъ остановили.

— Чего ржете? Надъ нимъ плакать, а не смѣяться впору.

Вдали показался священникъ въ бѣлой ризѣ, за нимъ гробъ. Помѣщикъ и полковникъ вздохнули, вышли изъ воротъ ограды, навстрѣчу. Въ простомъ сосновомъ гробу, поколыхаясь на бѣлыхъ полотенцахъ, приближался прахъ Андрея Михайловича, котораго зналъ весь уѣздъ, который нѣкогда былъ мѣстнымъ львомъ, земцемъ, представителемъ древяго, но небогатаго рода, другомъ Сережи—и скончалъ дни свои на небольшомъ хуторкѣ въ трехъ верстахъ.

Сережа встрѣтилъ гробъ, за которымъ шли заплаканныя дамы, какъ и всѣ—крестился, но его желтоватые глазки бѣгали съ такой же быстрой, доверчивостью, какъ на галерейкѣ Василисы Петровны. Вмѣстѣ со пѣвми онъ прошелъ въ церковь.

Обѣдня шла довольно долго. Церковь вся была полна голубоватымъ, весеннимъ свѣтомъ. Золотистые его ковры ложились на амвонъ, на старинный иконостасъ, раздѣланный подъ малахитъ, съ барочными валютами вверху, и итальянской, полукруглой пишей, какъ-бы для статуи. Туда лицомъ былъ обращенъ покойникъ. Вѣпникъ со словами: „Святый Воже, Святый Крѣпкій“ ополсывалъ лобъ. Потемнѣвшее лицо съ черными усами выражало то непередаваемое, и нечеловѣческое, что нерѣдко бываетъ у мертвыхъ. Служилъ священникъ со лбомъ Сократа и кудрявымъ обрамленьемъ лысины. Хоръ сбивался. Изъ причастно бабы вынесли плачущихъ дѣтей. Молодой человѣкъ независимаго вида, за псаломника, помогавшій священнику, утиравшій ребячьи ротики, по окончаніи обряда снисходительно улыбнулся на клиросъ: тамъ стояли такъ-же передовые юноши съ начесами. Его улыбка говорила: „я работаю, но, разумѣется, вѣдь это предрасудокъ“. Человѣкъ съ намасленнымъ пробормомъ посреднѣ головы, въ поддевку, съ безкровными губами, какъ и много лѣтъ назадъ, обходилъ съ тарелкою и кружкой.

Сережа стоялъ на клиросѣ. Иногда онъ подпѣвалъ. случалось—даже въ тонъ, иногда фальшивя. То разсматривалъ близкихъ покойнаго и родныхъ, толпившихся у гроба. то отворачивался, чесался и вертѣлся. Къ словамъ „придите съ послѣднимъ цѣлованьемъ“ онъ остался безучастенъ. И когда рыданія раздались, съ удивленьемъ повернулъ голову; потомъ принялся ловить муху, бившуюся о стекло, на солнцѣ.

Въ дворяхъ лѣзали любопытные, даже хихикали, разсматривая, какъ кто прощается. Потомъ растворилась боковая дверь. На ветхомъ каменномъ крыльцѣ пригрѣвало. Изъ расщелинъ плитъ, подъ апрѣльскимъ солнцемъ, пробивалась травка. Поблескивала кадилница; ладанъ ярче синѣлъ. Бывшій левъ, земецъ и дворянинъ приближался къ мѣсту упокоенія. Застучалъ молотокъ. Полетѣли внизъ пригорини глины, рыжей и вязкой. Дѣвки висли на оградѣ, чтобы не пропустить чего.

Серьезный, немолодой мужикъ, глядя на засыпаемую могилу, сказалъ родственнику умершаго:

— Мы-то его теперъ не дождемся. А онъ насъ встрѣтитъ.

Потомъ помолчалъ, и прибавилъ:

— Умаялся, сердешный.

Сережа подошелъ къ дамамъ, улыбнулся и вѣжливо попросилъ милостыню. Ему подали.

И пока долго и тщательно засыпалась могила, оставшіеся вели свои скромныя земныя дѣла: неизвѣстно было, кому отдать бѣлыя полотнца—въ церковь или могильщикамъ. Кому ѣхать, и кому не ѣхать на поминальный обѣдъ. У нагрѣтой солнцемъ стѣны мужики разсуждали о ссорахъ въ комитетѣ. Они имѣли важный, сосредоточенно-хозяйственный видъ. Всѣ эти дни дѣлили землю. И сейчасъ надо было итти, отмѣривать, вычислять осеминники, нивы, десятины. На ихъ лицахъ было выраженіе значительности и той прятности, которую довольно трудно бываетъ скрыть.

Сережа побродилъ между могилами, убѣдился, что больше не пойдутъ, и пошелъ въ чайную.

Врядъ-ли онъ понималъ, что съ Андреемъ Михайловичемъ ему не встрѣтятся. Врядъ-ли зналъ, что

вѣчность легка между ними и высокимъ человѣкомъ съ черными усами, какъ раздѣлить она радующихся и огорченныхъ, берущихъ и липаемыхъ. Онъ шелъ осинникомъ и ни о чемъ не думалъ. У поворота къ селу, на опушкѣ, блеснулъ подъ солнцемъ срѣзъ свѣжаго пня, залитого сокомъ. Въ этомъ блистаніи была весна, какъ и въ сухихъ, слегка плящущихъ ноги и шуршащихъ прошлогоднихъ листьяхъ.

Въ чайной Сережу покормили. Тутъ еще больше было мужиковъ, занятыхъ своими важными дѣлами. Говорили о томъ, что нѣтъ сѣмянъ на яровой посѣвъ. Что одни зимой чрезмѣрно расторговались, другіе овесъ поѣли за недостаткомъ хлѣба. Какая-то баба кричала, что ей не даютъ земли на малолѣтняго, и что она будетъ дѣлать со своими тремя осеминниками? Какъ всегда, были критики и недовольные. И хотя казалось бы, что довольныхъ больше, недовольные шумѣли громче.

съ мужикомъ. ѣхавшимъ въ городъ, пристроился на облучивъ телѣги и Сережа. Онъ не могъ-бы сказать, почему именно ѣдетъ.

— Въ городъ тебѣ, что-ли? спросилъ мужикъ.—Чудной, ты въ какія Палестины?

Сережа улыбнулся и отвѣтилъ:

— Подвезите, пожалуйста... Масса дѣлъ, масса дѣлъ. Все-го-то не упомнишь.

Онъ наморщилъ лобъ, сдѣлалъ серьезное лицо, какъ будто въ уѣздной метрополи, правда, ждали его необычайно важныя занятія.

Они одиноко ѣхали съ мужикомъ по весеннимъ полямъ, еще никѣмъ не оглашеннымъ, кромѣ жаворонковъ, высоко и трепетно стоявшихъ въ воздухѣ. У села Овечья, въ ложбинкѣ, гдѣ ярко краснѣли ободранные пенки ольхъ чуть-было не угодили въ трясину. У Павлушина встрѣтили мужиковъ, шедшихъ по парамъ группой, съ тѣмъ сосредоточенно-довольнымъ видомъ, какъ и тогда у церкви: эти дѣлили землю. А за Павлушинымъ попались, какъ изъ сказки, старикъ со старухой, съ палками и съ мѣшками за спиной: та-же Русь, только съ голоду вышедшая побираться.

— Сла-а-бѣда! сказалъ мужикъ, поровнявшись съ ними, и плюнулъ...

Скоро выѣхали на большакъ, обсаженный дуплистыми и корявыми ракетами. Вдалекѣ завиднѣлась уже, полускрытая возвышенностью, соборная колокольня, и на лѣво засинѣла, темнѣя вдали лѣсами, долина Оки. Но въ Кудашевѣ, большомъ селѣ съ барскимъ паркомъ, ампирнымъ домомъ, прудомъ и желѣзнымъ мостикомъ на клочкѣ шоссе, Сережа завожился и сталъ озираться. Когда доѣхали до деревянной церкви, со старыми колоннами тоже стили ампиръ, среди вѣковыхъ березъ, Сережа вдругъ спрыгнулъ.

— Ой-ты, зайцъ, куда посккалъ?—крикнулъ возница.

— Я тутъ, я сейчасъ, по дѣламъ; на минутку,—заговорилъ Сережа.—Мнѣ-бы тутъ къ учительницѣ зайти, все собираюсь, собираюсь отдать визитъ, неудобно, ужъ сколько времени не навѣщалъ...

— Ну, тебя тутъ ждать не будутъ,—сказалъ мужикъ, и стегнулъ лошадь.—Ви-зи-ты у него!

Но Сережа не обратилъ вниманія. Мимо огромной кирпичной, вновь строящейся церкви онъ прошелъ къ нарядному каменному дому съ большими окнами, типа станцій, подъ зеленой крышей—гордости стабаго земства—новой школы.

Учительница Вѣра Степановна, маленькая, аккуратная дѣвушка въ бѣломъ воротничкѣ, уже пообѣдала, когда явился Сережа. Онъ бывалъ здѣсь, и она не удивилась его приходу.

— Я къ вамъ съ визитомъ, съ визитомъ,—быстро заговорилъ Сережа.—Надо-же отдать визитъ, а то неудобно. И еще дѣльце есть малое.

Вѣра Степановна была очень чистоплотна. Она затворила дверь къ себѣ въ комнату и повела его въ классъ, просторный и свѣтлый. Она боялась его насѣкомыхъ.

— Какое-же у васъ дѣло?—спросила она, сѣвъ за столикъ и взглянувъ на него ясными, сѣрыми глазами. Въ нихъ сквозила ея душа—честная и увѣренная въ пользѣ книжекъ, просвѣщенія и четырехъ правилъ ариметики.

— Надо меня провѣрить,—сказалъ Сережа, совѣмъ серьезно.—Обучение юношества, вы знаете, какъ я къ этому отношусь. Разумѣется, въ прежней жизни я достаточно хорошо владѣлъ перомъ... Но для учительской дѣятельности, въ наше время...

Вѣра Степановна не поняла.

— О какой дѣятельности вы говорите?

Сережа улыбнулся.

— Ахъ, я и не рассказывалъ! Какая забывчивость! Меня собираются назначить учительницей, въ Малоземово, вы понимаете... А я такъ мало упражняюсь въ письмѣ, что, быть-можетъ, забылъ... Будьте любезны, вы какъ со товарищъ по просвѣщенію народа...

Онъ схватилъ листъ бумаги, обмакнулъ перо и быстро сталъ выводить буквы.

Вѣра Степановна вздохнула. Она даже не улыбнулась. Она была дѣвушка серьезная, и разъ Сережа безумный, то удивляться не слѣдуетъ. Это было-бы неинтеллигентно. А какъ-разъ завтра ей нужно выступить на учительскомъ собраніи, въ городѣ, и тамъ отстаивать интеллигентность.

— Совершенно правильно,—сказала она, взглянувъ на написанное.—Передъ которымъ мы ставимъ запятую.

— Вѣрно, вѣрно, виноваты! Разумѣется, запятую.

Потомъ онъ подошелъ къ доскѣ, взялъ мѣлъ, и сталъ рѣшать какія-то задачи. Но здѣсь ариметика Вѣры Степановны должна была ужъ отступить: Сережа складывалъ, дѣлилъ и вычиталъ по правиламъ иной, лишь ему вѣдомой науки. Вѣра Степановна не возражала. Приглядѣвшись, замѣтивъ, что сегодня онъ гораздо чище обычного, она позвала даже его пить чай къ себѣ въ комнату.

Откусывая кусочекъ сахару и дую на блюдечко—глазки его бѣгали, какъ у звѣрька—Сережа говорилъ:

— Значитъ, вы находите, что я не позабылъ? Это очень приятно. А то представьте себѣ, назначаютъ полную учительницу, она является и не знаетъ, гдѣ букву ять ставить! Шк а н д а л ь!

Онъ посидѣлъ еще немного и сказалъ, что ему пора. Узнавъ, что завтра Вѣра Степановна будетъ въ городѣ, онъ очень обрадовался.

— Я тоже приду на собраніе. Какъ-же, какъ-же, необходимо... сплоченіе просвѣщенныхъ людей!

И еще разъ прибавилъ, что если назначаютъ учительницу, а она не умѣетъ писать, то это просто шкандаль.

Солнце садилось, горѣло въ крестѣ церкви. Грачи орали на берегахъ—тамъ настроили они гнѣздъ. Сережа, съ длинной палкою, отъ собакъ, вышелъ на большую дорогу. Опять росли по ней дуплистыя, низкія ракиты. Въ канавѣ блестяла вода, розовѣя на закатѣ. Справа, слѣва, тѣ-же зелена, по которымъ бродятъ спутанныя лошади.

Неясная, но неизмѣнно дѣйствующая сила вела его впередъ, по этому большаку, въ городъ, какъ завтра, можетъ быть, поведетъ въ другой конецъ уѣзда. Онъ не помнилъ ужъ ни объ утрѣ у Василисы Петровны, ни о похоропахъ, ни о будущемъ своемъ учительствѣ. Ему навстрѣчу надвигался зеленоватый апрѣльскій вечеръ. Онъ смѣнялся ночью. И уже весеннія звѣзды зажигались. Орионъ рано скрылся за горизонтомъ. Подымалась Дѣва, со своею Спикой. За ней всходилъ четырехугольникъ Ворона. Въ это время въ уѣздѣ одни, какъ Василиса Петровна, горевали о своихъ недостаткахъ, отходящихъ къ

другимъ, другіе мечтали о получаемомъ, третьи, какъ учительница, готовились къ общественнымъ тревоженіямъ, и всѣ, обычно въ этотъ часъ въ деревнѣ, собирались спать. Они жили и дѣйствовали, считая свои дѣйствія важными, и жизнь—вѣчной. Андрей Михайловичъ спалъ очень крѣпко. Его знакомый, помѣщикъ съ большими руками, думалъ посадить въ изголовьѣ его дубокъ— вмѣсто памятникка.

А Сережа шелъ. Онъ ничего не зналъ. Надъ нимъ было ночное небо.

Али-купецъ и Селимъ-нищій Мухаммедъ-волшебникъ и Хасанъ-носильщикъ

Мухаммедъ-волшебникъ. Селимъ-нищій. Селимъ-купецъ. Хасанъ-носильщикъ. Хадиджа. Калифъ. Визирь. Негръ. Палатъ. Жители Багдада. Улица въ Багдадѣ. Торговцы, женщины, прохожіе, нищие, негры.

Мухаммедъ-волшебникъ. — Эй, слушайте всѣ: я, Мухаммедъ-волшебникъ, покупаю несчастья! Можетъ быть, кому не нужна болѣзнь его или бѣдность его, или онъ недоволенъ сварливой женой — я, Мухаммедъ-волшебникъ, куплю его несчастье! У женъ покупаю бесплодие, у стариковъ — лишніе годы, у расточительныхъ — расточительность, у гнѣбныхъ — гнѣбливость, у скупыхъ — скупость. Эй, слушайте все: я, Мухаммедъ-волшебникъ, покупаю несчастья!..

Али-купецъ. — Да благословить тебя Аллахъ, торговецъ! — о чемъ ты кричишь?

Мухаммедъ-волшебникъ. — Я — Мухаммедъ-волшебникъ, и покупаю несчастья! Если Аллахъ сдѣлалъ кого-нибудь собственникомъ проказы, слабоумія, бесплодной жены или безпутнаго сына, — я, Мухаммедъ-волшебникъ, могу купить его несчастье по справедливой цѣнѣ. Чесотка — три драхмы, проказа — сорокъ золотыхъ динариевъ, слѣпота — по десяти золотыхъ динариевъ съ глаза, вывихъ въ плечѣ — шесть драхмъ, потеря невинности — пять динариевъ, дурная совѣсть — четыре драхмы!..

Селимъ-горшечникъ. — Въ первый разъ слышу, чтобъ за чесотку платили, какъ за хорошей горшокъ!

Мухаммедъ-волшебникъ. — Кто находитъ, что моя оцѣнка не соответствуетъ его несчастью, пусть скажетъ свою цѣну: я могу заплатить и дороже. Ибо продавцу лучше известны достоинства его товара.

Женщина (робко). — Если ты не обманываешь никого, торговецъ, я имѣю продать тебѣ нѣчто... (Шепчетъ на - ухо).

Мухаммедъ-волшебникъ. — Пять динариевъ! (Вынимаетъ деньги).

Женщина. — Я согласна. (Озирается по сторонамъ). Какъ же ты получишь съ меня, что тебѣ нужно?..

Мухаммедъ-волшебникъ. — Не безпокойся о томъ. Я пришлю за покупкой къ тебѣ па домъ. (Женщина беретъ деньги и поспѣшно удаляется).

Али-купецъ (въ крайнемъ изумленіи). — У тебя, кажется, много золота, чужестранецъ, и ты раздаешь его даромъ!

Мухаммедъ-волшебникъ. — Нѣтъ, не даромъ, но за купленное.

Али-купецъ. — Тогда купи что-нибудь и у меня. Вотъ кисей изъ Муссула, очень тонкой работы. Вотъ сафьяновыя издѣлья, только сегодня полученныя изъ Діарбекира... Не могу, къ сожалѣнію, предложить тебѣ шелка: третьяго дня ко мнѣ въ домъ зашли воры и унесли весь шелкъ — двадцать кусковъ, — да помогите имъ Аллахъ продать безъ убытка!..

Мухаммедъ-волшебникъ. — Я заплачу тебѣ за эту кражу три золотыхъ динаря.

Али-купецъ (подумавъ). — Мнѣ было бы пріятнѣе получить пять. Увѣрю тебя, это былъ отличный шелкъ!

Мухаммедъ-волшебникъ. — Хорошо. (Даетъ плату купцу).

Али-купецъ. — Слѣдовательно, я могу теперь думать, что шелкъ украли у тебя, а не у меня?

Мухаммедъ-волшебникъ. — Да.

Али-купецъ. — Такъ - то оно и лучше. Боюсь только, что я немножко продешевилъ на этой продажѣ! (Въ сомнѣніи разсматриваетъ полученное золото).

Селимъ-нищій. — Неужели, торговецъ, ты захочешь и мнѣ заплатить за то, что я бѣденъ?

Мухаммедъ-волшебникъ. — Да, если ты продашь свою бѣдность.

Селимъ-нищій. — Съ большой охотой!

Мухаммедъ-волшебникъ. — Но я не дамъ себѣ больше ста золотыхъ динариевъ.

Селимъ-нищій. — Сто золотыхъ динариевъ?

Мухаммедъ-волшебникъ. — Сто золотыхъ динариевъ. Если хочешь, получи. (Нищій въ замѣшательствѣ принимаетъ золото).

Рабъ (вбѣгаетъ; обращаясь къ Селиму-нищему). — Господинъ! Прибылъ караванъ изъ Каира съ товарами твоего дяди Ибнъ-Согара. Твой дядя, который умеръ — одинъ Аллахъ безсмертенъ! — пожелалъ передъ смертью сдѣлать тебя наслѣдникомъ всѣхъ своихъ богатствъ.

Селимъ-нищій. — Хвала Аллаху!

Второй рабъ (вбѣгаетъ). — Господинъ! Повелитель мой Джемаль-Эддинъ-Юсуфъ-Венъ-Тагри-Варди за хорошей совѣтъ, вылечившій его дочь, жалуется тебѣ полтора ста верблюдовъ и лучшаго жеребца изъ своей конюшни.

Селимъ-нищій. — Хвала Аллаху!

Окружающіе. — Хвала Аллаху! Ты выгодно продалъ свою бѣдность, Селимъ!

Третій рабъ (вбѣгаетъ). — Господинъ! Господинъ!.. Ради Аллаха!.. Загорѣлся домъ, куда мы сложили твои товары, прибывшіе сегодня изъ Каира... твой дядя...!

Селимъ-нищій. — Горел.. горел.. Мое богатство!.. (Убѣгаетъ).

Хадиджа (вбѣгаетъ, запыхавшись). — Кто здѣсь покупаетъ несчастья?.. Это ты, добрый человѣкъ? Заклинаю тебя Аллахомъ, купи мое несчастье!..

Мухаммедъ-волшебникъ. — Покажи мнѣ его.

Хадиджа. — Ахъ, почтенный иноземецъ, мое несчастье — мой мужъ! Это самый безобразный человѣкъ, какого когда-либо рождала женщина! Ахъ, ахъ! ты не знаешь еще носильщика Хасана Косоглазаго? Ужъ на-вѣрное, тебѣ показывали человѣка, у котораго уши растутъ подъ-мышкой, носъ до половыхъ живота, на спинѣ два горба, а ноги такъ велики, что когда ему случится встрѣтиться съ верблюдомъ, одинъ другому непременно оттопчетъ ногу? Ты могъ замѣтить, что у него по шести пальцевъ на каждой рукѣ и зубы вродѣ сушеныхъ финиковъ, лицо же только для того и существуетъ, чтобы было на чемъ разводиться прыщи, которыхъ столько, что будь это звѣзды, я бы стала богаче Аллаха. Сказать бы что-нибудь и о бровяхъ, — но онъ у него вылѣзли, когда онъ еще и не родился!.. Тьфу, тьфу! Такое уродство невозможно даже описать! Если ты, иноземецъ, въ самомъ дѣлѣ, покупаешь несчастья, окажи и мнѣ эту милость.

Мухаммедъ-волшебникъ. — Не знаю, согласишься ли ты взять тридцать три золотыхъ динаря?

Хадиджа.—За безобразіе моего мужа?
Мухаммедъ-волшебникъ.—Да.
Хадиджа.—И ты купишь его безобразія, какъ мѣшокъ финиковъ, или халатъ, или пару туфель? И онъ больше не будетъ носить своего безобразія?
Мухаммедъ-волшебникъ.—Онъ станетъ самымъ красивымъ человекомъ въ Багдадѣ.
Хадиджа.—И за это я еще получу тридцать золотыхъ динаривъ?
Мухаммедъ-волшебникъ.—И три.
Хадиджа.—Давай же скорѣе!.. О, Аллахъ!.. Бѣгу посмотрѣть, каковъ теперь у меня мужъ! (Убѣгаетъ).
Погонщикъ верблюдовъ.—Купецъ! Купецъ! Я продаю уши! Отличнаго качества! Во всю спину и даже больше того! Семьдесятъ пять палокъ!..
Поваръ.—Купи лучше у меня: я получилъ сегодня сто палокъ.
Старикъ.— Не нужно ли тебѣ, торговецъ, женская болтливость? Я возьму съ тебя недорого... (Входитъ нѣсколько полицейскихъ).
Одинъ изъ нихъ (обращаясь къ Мухаммеду-волшебнику).—Господинъ, нашлась твоя пропажа. Смотри, вотъ всѣ двадцать кусковъ шелка, что украли у тебя третьяго дня.
Али-купецъ.—Аллахъ!.. Мой шелкъ!..
Полицейскій.—Воръ не пойманъ. Но сегодня же мы его изловимъ. Это Али изъ Басры...
Али-купецъ.— Да поразишь тебя Аллахъ! Это л-то воръ! Я?.. я?.. Да еще выходитъ: обокралъ самого себя!.. Ахъ, ты рваная борода! Обезьяній хвостъ! Печеное яйцо!..
Полицейскій.—Вотъ онъ воръ!.. Держите!.. (Али хватаютъ. Онъ отбивается).
Али-купецъ.—Разбойники!.. Мошенники!.. Я пойду къ самому калифу!.. (Его вяжутъ и уводятъ).
Мухаммедъ-волшебникъ.— Неси за этотъ шелкъ за мной въ каганъ.
(Уходитъ. Входитъ Хасанъ-носильщикъ, безобразіе котораго купилъ Мухаммедъ-волшебникъ. За нимъ слѣдуютъ чуть не все население Багдада).
Одинъ изъ толпы.— Взгляните, правовѣрные, какую красоту сотворилъ Аллахъ!
Другой.—Честь и хвала тебѣ, юноша!
Старикъ.— Багдадъ не видѣлъ еще такой красоты!
Женщина.— Слово тысяча лунъ взшло разомъ на небѣ!
Хасанъ.—Отвяжитесь отъ меня! Что вамъ надо?.. Развѣ я виноватъ, что Аллахъ далъ моей спинѣ горбъ, а моему лицу верблюжью ногу вмѣсто носа?
Купецъ.—( ) чѣмъ онъ говорить?
Одинъ изъ толпы.—Онъ пилъ вино, и ему стало казаться, что его подмѣнили джинъ.
Другой.—Онъ затыкаетъ уши, когда ему говорятъ о его красотѣ.
Хасанъ.—Возьми ее себѣ, будь ты проклятъ! Дарю тебѣ всѣ мои бородавки, прыщи, лишай и опухоли! Тебѣ, и дѣтямъ твоимъ, и внукамъ твоимъ и правнукамъ твоимъ!..
Первый.—Вотъ видите!
Женщина.—Нѣтъ, это, должно быть, Хасанъ-носильщикъ, у котораго купили его безобразіе!
Хасанъ.— Съ какихъ это поръ перестали узнавать Хасана Косоглазаго? Ужъ и въ самомъ дѣлѣ, не подмѣнилъ ли меня кто?
Женщина.—Какъ! ты развѣ не знаешь еще, что жена твоя продала твое безобразіе прѣзшему купцу? Теперь въ Багдадѣ нѣтъ человека красивѣе тебя!
Хасанъ.— О чѣмъ ты болтаешь? Или ты съ ума сошла?

Старикъ.—Женщина говоритъ правду, если только ты Хасанъ носильщикъ.
Хасанъ.—Допни мой животъ!—кому жъ и быть Хасаномъ-носильщикомъ, какъ не мнѣ!
Старикъ.—Женщина сказала правду: жена твоя, Хадиджа, продала твое безобразіе и получила за это тридцать три золотыхъ динаривъ.
Хасанъ (въ гнѣвѣ).—И удивляюсь, почему ты не продалъ своей бѣлой бороды, которая не умѣетъ скрыть ни твоей глупости, ни твоего безстыдства!
Старикъ.—И ни хотѣлъ это сдѣлать, но не успѣлъ. Молодые во всемъ опережаютъ стариковъ, не только въ непочтительности.
Хасанъ.—Клянусь Аллахомъ, съ твоей бородой можетъ случиться нѣчто гораздо худшее, если мнѣ перестанутъ нравиться эти насмѣшки.
Женщина.—Посмотри на себя—и ты увидишь, что никто надъ тобой не смѣется. (Подноситъ серебряный тазъ къ лицу Хасана).
Хасанъ (смотритъ въ крайнемъ удивленіи, переворачиваетъ тазъ нѣсколько разъ въ рукахъ, протираетъ глаза)—Куда же дѣвался мой носъ?.. (Прогаетъ носъ рукой.) Аллахъ свидѣтель, это не мой носъ! Нѣтъ, нѣтъ, это только половина моего носа!.. Только пятая часть моего носа!.. Къ тому же у меня на носу было три бородавки, каждая съ порядочную навозную кучу, — на этомъ нѣтъ ни одной!.. Удивление!
Женщина.— Ахъ, ахъ, твой носъ теперь какъ слѣпой персикъ!
Хасанъ.—И ни одного прыща! Вотъ потѣха! Лицо—словно добрый кусокъ овечьяго сыра!.. Разрази меня Аллахъ, если это не такъ!
Купецъ.—Это такъ, благослови тебя Аллахъ!
Хасанъ.—А горбъ? Хлопни-ка ктонибудь меня по спинѣ!.. Ухъ! Вѣрно! моя спина!.. Кулакъ мнѣ въ глазъ, куда же пропалъ горбъ?..
Женщина.—Твоя спина тоньше финиковой сточки и пряма, какъ этотъ палецъ!
Старикъ.—Женщина говоритъ правду.
Хасанъ.—Вотъ чудеса!.. Ударь меня еще кто-нибудь колѣнкой пониже спины: мнѣ думается, я сплю!.. Ухъ! вотъ такъ!.. ну-ка еще!.. Нѣтъ, не сплю!.. Чтѣбъ мнѣ подавиться багдадской мечетью, не сплю ни однимъ глазомъ!.. (Входитъ нѣсколько человекъ).
Одинъ изъ нихъ.—Не это ли Хасанъ Красивый?.. Мы пришли увидѣть тебя!
Хасанъ.—Смотрите, если вы думаете, что я—еще я, или вѣрнѣе, если вы увѣрены, что я—не я.
Тотъ же. О, Аллахъ! Ничего подобнаго намъ даже не снилось! Кто развѣ увидитъ такую красоту, тотъ не захочетъ видѣть ни солнца, ни мѣсяца, ни звѣздъ!..
Продавецъ воды.—Не жалко было бы заплатить червонецъ, чтобы посмотрѣть такое! Ай-ай!.. Этого человека Господь украсилъ, какъ настоящій храмъ Соломоновъ!
Хасанъ.— Во имя Аллаха растолкуйте же мнѣ, куда дѣвался Хасанъ Косоглазый, чтобъ ему совсѣмъ пропасть? Тридцать семь лѣтъ мы были съ нимъ въ такой дружбѣ, что одинъ безъ другого бывало на дворъ не сумѣетъ сходить. А сегодня еще утро—ужъ ссоримся, словно два пѣтуха, которымъ во что бы ни стало нужно дознаться, гдѣ чей хвостъ. (Появляется огромнаго роста негръ, который ведетъ на поводѣ безобразнаго горбуна).
Хасанъ (при видѣ горбуна тарашитъ глаза и приходитъ въ крайнее замѣшательство). Праведный Аллахъ! Вѣдь это—я!..
Нѣсколько человекъ.— Это, точно, Хасанъ Косоглазый!
Хасанъ.—Я, я, разорвался моя печень! Кто на свѣ-

тѣ, захотѣлъ бы походить на меня, кромѣ меня?! Стой, черная рожа! куда ты меня ведешь?

Негръ.—Я не понимаю, милостивый господинъ, что тебѣ угодно спросить! Я веду осла моего господина Мухаммеда-волшебника. А если ты хотѣлъ спросить, куда я его веду, то веду я его въ Дамаскъ, имѣя къ тому достаточно оснований.

Хасанъ.—Лжешь, лжчинокъ! Какой же это оселъ? Я не слѣпой и достаточно хорошо вижу, чтобъ отличить себя отъ осла!

Негръ.—Прости меня, господинъ, но это дѣйствительно оселъ.

Хасанъ.—Смотрите! этотъ черный дьяволъ смѣется мнѣ въ глаза!

Многие изъ толпы.—Конечно, это Хасанъ-носильщикъ!

— Это вѣрно.

— Я могу подтвердить!

Хасанъ.—Слышишь, разбойникъ?!

Негръ.—Повѣрь мнѣ, господинъ, это оселъ, а не ты. Но я могу объяснить тебѣ твою ошибку. Мой господинъ Мухаммедъ-волшебникъ купилъ у одной женщины безобразіе ея мужа и поручилъ мнѣ отвезти покупку на этомъ ослѣ въ городъ Дамаскъ, куда я и направлюсь. Очевидно, ты мужъ той женщины и узналъ свое безобразіе, увидѣвъ его на моемъ ослѣ. Вотъ и все! Прости, господинъ. (Низко кланяется и хочетъ уйти).

Старикъ.—Онъ, должно быть, говорить правду.

Женщина.—Ну, и пускай его унесетъ шайтанъ вмѣстѣ съ его осломъ!

Хасанъ.—Стой! Никакого Мухаммеда-волшебника я не знаю и думаю, что онъ такой же мошенникъ, какъ и ты!.

(Хватаетъ горбуна за поводъ. Тотъ становится на четвереньки, начинаетъ лягаться и реветъ: „lo! lo!“)

Хасанъ.—Да наслетъ Аллахъ на тебя чуму! со всѣмъ оглушилъ!

(Выпускаетъ поводъ. Негръ вскакиваетъ на горбуна и уѣзжаетъ).

Хасанъ.—Дайте мнѣ тысячу палокъ въ пятки, если это черное страшилище не эфритъ!.. Еслибъ только я могъ знать, кто я самъ: Хасанъ-носильщикъ, оселъ, или еще кто?!

Старикъ.—Ты самый красивый человѣкъ въ цѣломъ Багдадѣ! Это вѣрно, какъ то, что ухо есть ухо, а не палецъ или бородавка...

Окружающіе.—Мы никогда не видѣли такой красоты, Аллахъ!

Хасанъ (смотритъ въ тазъ).—Тьфу! я и самъ начинаю въ этомъ убѣждаться! Ну, потѣха!.. Всѣ смотрятъ на меня, какъ на хорошую лошадь... Поворотись-ка (Поворачивается передъ тазомъ.) Теперь въ другую сторону! (Поворачивается.) И спереди я съ затылка — хоть куда! Брови, носъ, уши, подбородокъ, ротъ—все на своемъ мѣстѣ! А зубы? (скалитъ зубы.) Ого! это зубы! Полонъ ротъ и всѣ одинъ бѣлѣе другого. Словно вылили въ ротъ кувшинъ молока.

Старая же... щина (протискиваясь черезъ народъ).—Красавчикъ, я имѣю къ тебѣ порученіе отъ одной почтенной женщины... (Отводитъ Хасана въ сторону и шепчетъ ему на ухо. Хасанъ выслушиваетъ ее съ явнымъ удовольствіемъ и позволяетъ ей вести себя).

Молодая же... щина.—Это Фатма-сводница! Я видѣла ее сейчасъ, какъ она выходила изъ серала калифа. Накажи меня Аллахъ, если тутъ...

Старикъ.—Замолчи, скверная женщина! Или ты хочешь, чтобъ тебя кто-нибудь услышалъ?!

Хадиджа (выходитъ запыхавшись).—Не видѣлъ ли кто моего мужа, Хасана-носильщика? Я съ ногъ сби-

ласы! Всѣ въ Багдадѣ только и говорятъ, что о немъ, я же нигдѣ не могу его найти! Говорятъ, онъ такъ красивъ, какъ багдадскія женщины совсѣмъ взбѣсился и бѣгаютъ за нимъ, какъ куры за зерномъ.

Многие.—Онъ сейчасъ былъ здѣсь!

— Его увела какая-то старуха!

Молодая же... щина.—Это Фатма-сводница! Я видѣла, они пошли къ дворцу калифа!

Хадиджа.—О, Аллахъ!.. (Бросается со всѣхъ ногъ вслѣдъ за Хасаномъ. Вбѣгаетъ Селимъ-богачъ, бывший недавно нищимъ).

Селимъ.—Жители Багдада дайте мнѣ Мухаммеда-волшебника! Пусть онъ вернетъ мнѣ мою бѣдность! Я заплачу ему деньги, только пусть онъ вернетъ мнѣ мою бѣдность!

(Входитъ калифъ вмѣстѣ съ визиремъ, передодѣтые оба богомольцами).

Калифъ.—Благословенъ Аллахъ! Что ты ищешь, или что хочешь потерлть, почтенный человѣкъ?

Селимъ.—Я ищу мою бѣдность, богомолець, съ которой прожилъ шестьдесятъ лѣтъ въ мирѣ и согласіи, пока не продалъ ее какому-то обманщику. будь проклята часть, когда я съ нимъ встрѣтился!

Калифъ.—О, Аллахъ! развѣ бѣдность такая цѣнная вещь, чтобъ о ней слѣдовало жалѣть?

Селимъ.—Бѣдность лучшая вещь, богомолець, какую можно пожелать человѣку, которому хочешь пожелать не плохого!

Калифъ.—Какъ такъ? Люди бѣдность привыкли считать величайшимъ бѣдствіемъ!

Селимъ.—Я прежде былъ глупъ и думалъ точно также, какъ и ты сейчасъ. Но теперь думаю совсѣмъ иначе. Посуди самъ! Пока я былъ бѣденъ, я не имѣлъ заботъ ни о домѣ, котораго у меня не было, ни о полѣ, котораго у меня не было, ни о верблюдахъ, которыхъ у меня не было. ни о корабляхъ съ товарами, которыхъ у меня не было, ни о женахъ и наложницахъ, которыхъ у меня не было. Наоборотъ, обо мнѣ заботились всѣ, чтобъ я былъ одѣтъ, накормленъ и доволенъ. Будь я уменъ, я бы не помѣнялся своей долей съ калифомъ.

Калифъ.—Ну, калифомъ, я полагаю, всякій бы захотѣлъ быть!

Селимъ.—Конечно, есть много глупцовъ, разсуждающихъ, какъ ты—не разсердись, богомолець, прошу тебя!—ты въ этомъ отношеніи правъ.

Калифъ.—Почему же такъ плохо быть калифомъ, почтенный?

Селимъ.—Это очень большой разговоръ. Потому, во-первыхъ, что у калифа столько заботъ, сколько у всѣхъ его подданныхъ, вмѣстѣ взятыхъ, такъ какъ онъ, вѣдь, долженъ заботиться о каждомъ изъ своихъ подданныхъ, если же онъ этого не дѣлаетъ, то такой калифъ—дурной калифъ. Потому, во-вторыхъ, что положеніе калифа очень смѣшное, такъ какъ его всѣ обманываютъ, начиная съ его перваго визиря и кончая его цирюльникомъ,—калифъ—какъ слѣпой и глухой: на все смотритъ чужими глазами и все слушаетъ чужими ушами. Потому, въ-третьихъ, что калифъ знаетъ о себѣ меньше, чѣмъ его послѣдній поваренокъ; онъ не знаетъ: уменъ онъ или глупъ, добръ или не добръ, красивъ или дурень—такъ какъ слишкомъ много при немъ льстецовъ, которые одѣваютъ его въ различныя добродѣтели и тѣмъ дополняютъ работу портного. Потому, въ-четвертыхъ... Но если мы будемъ говорить объ этомъ, пока хватитъ словъ, мы будемъ говорить до двѣнадцатаго полнолунія! Между тѣмъ, ни ты, ни я не собираемся быть калифами. А я вдобавокъ очень слѣшу: одинъ человѣкъ продаетъ домъ и я хочу его осмотрѣть. Желая

тебѣ добраго пути. богемолецъ, и твоему спутнику! (Уходитъ. Въ то же время входитъ плачущая Хадиджа).

Калифъ. — Какова причина твоихъ слезъ, добрая женщина?

Хадиджа. — Та, что я имѣю мужа самаго красиваго мужчину въ Багдадѣ!

Калифъ. — Развѣ это такое большое несчастье?

Хадиджа. — Да, когда у калифа есть жены, любящія красивыхъ мужчинъ.

Калифъ. — Что ты говоришь?!

Хадиджа. — Что знаю! Знаю же я только то, что эта негодница Фатма недаромъ нарядила моего мужа женщиной, передъ тѣмъ, какъ повести въ гаремъ калифа!

Старикъ. — Тебѣ слѣдвало бы попридержать языкъ, глухая женщина!

Калифъ. — Почему же ты не пошла за нимъ и не вернула его?

Хадиджа. — Потому, что дворецъ калифа не такое мѣсто, куда каждый можетъ зайти по своей надобности.

Калифъ. — Миѣ знакомъ старшій внукъ калифа, — если хочешь, я могу узнать кое-что о твоёмъ дѣлѣ.

Хадиджа. — Благослови тебя Аллахъ, богемолецъ! Если можешь, узнай.

(Калифъ шепчется съ своимъ визиремъ; тотъ уходитъ).

Калифъ. — Подождемъ моего товарища, — я послалъ его — вызвать старшаго внука.

Нѣскольکو человекъ. — Смотрите, это бѣжитъ купецъ Али изъ Васры!

— Да, а за нимъ гонятся полицейскіе!

— Ловкій же онъ паренъ, если убѣжалъ изъ тюрьмы!

— Всѣ считали его честнымъ человекомъ, онъ же, говорятъ, укралъ у кого-то двадцать кусковъ шелка!

— Поможемъ полицейскимъ поймать его!

(Многіе бросаются навстрѣчу бѣгущему Али и ловятъ его).

Одинъ изъ полицейскихъ. — Держите! держите!.. Вотъ длинноногій мошенникъ!

Другой. — Погоди, не миновать тебѣ виселицы! (Хватаетъ Али за воротъ).

Али-купецъ. — Чума на васъ! Съ какихъ это норъ стали вѣшать честныхъ людей?

Калифъ. — Я слыхалъ о твоёмъ дѣлѣ, Али! Говорятъ, калифъ дѣйствительно приговорилъ тебя къ висѣлицѣ. По моему, это вполне справедливо.

Али-купецъ. — Чтобъ тебѣ подавиться твоимъ языкомъ, краснорозжій быкъ!

(Входитъ визирь съ Хасаномъ, котораго ведетъ стража).

Визирь. — Я исполнилъ твой приказъ, повелитель правовѣрныхъ!

Восклицанія. — Калифы!.. Калифы!..

(Народъ повергается ницъ).

Хадиджа (смотреть на Хасана, не узнавая). — Неужели это мой мужъ?.. О, Аллахъ! я ослѣплена!..

Визирь. — То, что рассказала женщина, похоже на правду, государь. Этого человека я схватилъ, когда онъ нытался пропикнуть черезъ ограду въ дворцовый садъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ фонтаны. Однако, онъ утверждаетъ, что пожелалъ видѣть мать правовѣрныхъ, которая, прослышавъ о его красотѣ, и сама прониклась любопытствомъ.

Калифъ. — Хорошо. Изъ его спины будетъ вырѣзано столько ремней, сколько буквъ въ имени пророка, повторенномъ семь разъ. Распорядись, Джаффаръ.

Визирь. — Слушаю, повелитель правовѣрныхъ.

Хасанъ. — Аллахъ!.. (Падаеть на колѣни).

Хадиджа. — Что я надѣлала, глупая женщина!.. Пусть лучше это будетъ со мною, повелитель правовѣрныхъ! Вѣдь это я продала его безобразіе проклятому язычнику! О, что я надѣлала, глупая!..

Калифъ. — Я не понимаю, о чемъ говорить женщина.

Хасанъ. — Позволь миѣ объяснить повелитель правовѣрныхъ. Я былъ самымъ безобразнымъ человекомъ въ Багдадѣ, но моя жена, не посовѣтовавшись со мною, продала мое безобразіе какому-то Мухаммеду-волшебнику, котораго я въ глаза не видѣлъ. Съ того часа я сталъ самымъ красивымъ человекомъ въ Багдадѣ. Поэтому многіе пожелали меня видѣть, въ томъ числѣ твоя мать. Если ты полагаешь, что за это съ меня надо снять шкуру, да будетъ на то воля Аллаха!

Калифъ (обращаясь къ визирю). — Миѣ жаль этого человека, Джаффаръ! Какъ бы намъ лучше поступить съ нимъ?

Али-купецъ. — Повелитель правовѣрныхъ! Тотъ же самый Мухаммедъ-волшебникъ, — будь онъ проклятъ! — купилъ у меня кражу, которую я потерпѣлъ, а потомъ вышло, что меня же обвинили въ этой кражѣ. Но если ты полагаешь, что меня слѣдуетъ повѣсить, да будетъ на то воля Аллаха!

Калифъ. — Миѣ жаль этого человека, Джаффаръ! Какъ бы намъ лучше поступить, чтобъ не пострадалъ невинный?

Визирь. — Мое мнѣше, государь: отрѣзать голову Мухаммеду-волшебнику.

Калифъ. — Разыщи его и приведи сюда.

(Визирь удаляется).

Калифъ. — Да будетъ благословенно имя Аллаха! Хорошо все, что дѣлаетъ Аллахъ и плохо все, что дѣлаетъ человекъ, когда онъ дѣлаетъ неугодное Аллаху. Мы сами никогда не знаемъ, что намъ нужно, и часто полагаемъ, что намъ нужно плохое, тогда какъ на самомъ дѣлѣ намъ нужно только хорошее. Но Аллахъ никогда не ошибается.

(Входитъ визирь съ Мухаммедомъ-волшебникомъ и палачемъ).

Мухаммедъ-волшебникъ (сердито). — Что вамъ надо отъ меня, глупцы Багдада? (Стучить палкой). Я скупилъ у васъ ваши несчастія, съ которыми вы не знали, что дѣлать, заплативъ за нихъ настоящимъ золотомъ, — и за это вы объявили меня разбойникомъ! Пускай же ваши несчастія вернутся къ вамъ!

(Къ Хасану-носильщику возвращается его безобразіе, къ другимъ изъ присутствующихъ самая разнообразная уродства).

Мухаммедъ-волшебникъ. — Мое же золото, которое вы получили, пусть обратится въ наѣкомыхъ, чтобъ вы неустанно чесались и вспоминали Мухаммеда-волшебника!

Хасанъ. — Ай! (Вскакиваетъ и пачинаетъ чесаться).

Али-купецъ. — Ай! (Вскакиваетъ и чешется).

Многіе (вскакивая). — Ай!.. Ай!..

Калифъ. — Отрубите ему скорѣе голову!

(Палачъ подходитъ къ Мухаммеду-волшебнику. Мухаммедъ-волшебникъ палкой очерчиваетъ передъ собой кругъ, неторопливо разстилаетъ коверъ на землѣ, садится на него и улетаетъ).

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СПИХОПВОРЕНІЯ

I.

Повлю дрожащія, владѣющія руки,
Блѣднѣютъ въ сумракъ знакомыя черты...
Моя ты, вся — моя, до завтрашней разлуки,
Мнѣ все равно — со мной до утра ты...

Послѣднія слова, изнемогаю,
Ты шепчешь безъ конца въ неизреченномъ снѣ,
И тусклая свѣча, невнятно догорая,
Насъ погружаетъ въ мракъ, и ты — со мной, во мнѣ...

Прошли года, и ты — моя, я знаю,
Повлю блаженный мигъ, смотрю въ твои черты...
И жаркія слова невнятно повто-рю...
До завтра ты — моя... Со мной — до утра ты...

II.

Ночь теплая одѣла острова.
Взошла луна. Весна вернулась.
Печаль свѣтла Душа моя жива.
И вѣчная холодная Нева
У ногъ сурово колыхнулась

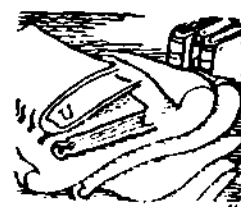
Ты, счастье! Ты, радость прежнихъ лѣтъ!
Весна моей мечты далекой!
За годомъ годъ... Все рѣче темный слѣдъ,
И тамъ, гдѣ мнѣ сиялъ когда-то свѣтъ,
Все гуще мракъ... Во мракъ — одиноко —

Иду — иду — душа опять жива,
Лягъ весна одѣла острова...

АБРАМЪ ЭФРОСЪ

ОКНИГАХЪ

II

„Органическая книга“ — есть такое понятие въ „искусствѣ дѣлать книги“, и намъ, российскимъ авторамъ, этого именно искусства куда какъ не хватаетъ. Въ писательскомъ смыслѣ мы самый безшабашный и беззаботный народъ. До французской книжной морозитости и безупречности ихъ авторскаго такта намъ далеко; — такой книги какъ у нихъ, такого знанія законовъ книжнаго организма, такой чуткости къ измѣненіямъ ея структуры, такого ригоризма по отношенію ко всему, что можетъ исказить, затемнить, стусевать чистую эссенцію книжности, — намъ трудно достигнуть; — для этого надо имѣть такую же проработанность изящной письменности, такое же традиціонное и священнодѣйствующее отношеніе къ тонкостямъ книжнаго стиля. Недаромъ нынѣшняя французская книга по внѣшности самая простая, самая „оголенная“. Тутъ на книжную мишуру глазъ не ловится. Съ виду — всѣ книги точно братья — близнецы: одинъ знаменитый форматъ in 18, одинъ столь же знаменитый желтый тонъ обложки, одна традиціонная цѣна „а 3 fr. 50 le volume“. Такъ, нѣкогда, эллины на состязаніяхъ представляли зрителямъ нагими и, въ этой священной наготѣ, искали первенства и награды.

Очень показательно, что много-иллюстраціонная, графически разукрашенная французская книга, отпечатанная на особыхъ бумагахъ, большими форматами и т. д. изготовляется преимущественно въ Бельгии, а не во Франціи, — на примѣръ, художественныя изданія, извѣстной фирмы Van-Oest'a. Какъ въ XV вѣкѣ фламандскіе иллюминаторы усложнили пышностью и многоцвѣтностью сдержанную и расчетливую книжную миниатюру Франціи, такъ, словно далекое эхо тѣхъ временъ, усложняютъ и пышно тяжелитъ теперешняя „фламандская“ издательская промышленность французскую „голую“ книгу.

Нѣмецкая книга намъ много ближе; — можно сказать, что книжной и издательской эстетикѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе мы учились у нея. Конечно въ этомъ сказалось не одно лишь ученичество, но и сродство вкуса. Настолько же, насколько французская книга едина

и одна, — нѣмецкая книга, по правилу, не признаетъ ни единообразія, ни книжнаго аскетизма. Можно сказать, что тутъ столько типовъ, сколько книгъ. Тутъ потоки и потоки форматовъ, шрифтовъ, украшеній, обложекъ, переплетовъ, форзацевъ, — словомъ всего того, на что стали мы теперь такъ падки, что создало именно въ это двадцатилѣтіе физиономію современной русской книги, съ расширеніемъ ея графики, съ тягой къ сложнымъ форматамъ, къ цвѣтному шрифту, къ многотипности бумажной выдѣлки. Но участь у нѣмецкой книги нарядамъ, мы не выучились, и не старались выучиться, органичности книги. Нашего хаоса и тяпляпистости нѣмецкій авторъ не знаетъ. Не золотой французскій геній, но „нелюбовь къ безпорядку“, авторскій педантизмъ, знаніе того, „что къ дѣлу не относится“, ревнивое выкидываніе за бортъ всего, что „не на тему“ придаетъ нѣмецкой книгѣ ея органичность. Изданія, сложнѣйшія по замыслу и по матеріалу, этимъ спасаются, а въ книгахъ простыхъ и ясныхъ эта органичность становится почти величественной. Мы же какъ будто рѣшились не допускать даже благихъ исключеній: для насъ нѣтъ ясныхъ темъ и простыхъ книжныхъ рѣшеній. Мы можемъ похвалиться особымъ книжнымъ даромъ — все дѣлать не съ того конца. Въ скудной кучкѣ художественныхъ новипъ, которыя я кончаю перебирать передъ вами, мною припасенъ на послѣдокъ изумительный книжный уродъ. Вы, конечно, не удивитесь, если я назову пресловутую „Расею“ Вориса Григорьева.

Собственно Григорьевъ здѣсь не единолично виноватъ; — кто въ концѣ концовъ руководилъ изданіемъ но-извѣстно; въ „Расеѣ“ есть статьи П. Щеголева, Н. Радлова, самого Григорьева. А въ общемъ, какъ подобаетъ — у семи нянекъ дитѣ безъ глаза.

Попробуемъ теоретически поставить себѣ задачу: какъ составить книгу изъ „расейскаго цикла“, рисунковъ Григорьева? Кажется, что рѣшается это заданіе просто: очень извѣстныя и очень виртуозныя деревенскіе рисунки Григорьева, при ихъ чрезвычайной внутренней вѣкости и нарочитой технической изощренности (— наблюдательный и подгнившій гамеяъ столичнаго городка, передаетъ свои

впечатлительны отъ косорылой и трогательно-неуклюжей деревни) требуютъ особенной простоты и сдержанности книго-издательской оправы, и совершенно точнаго, почти схематически-сжатаго распределенія критическаго материала, примѣрно такого: а) Григорьевъ—рисовальщикъ, б) „Расей“ Григорьева. Варьируйте какъ угодно обѣ части темы, раздвигайте ихъ границы, принимайте любые авторскія позы, вы все равно не получите того, что подъ крышку одного переплета вмѣстѣло странное издание г. Яснаго: тамъ почтенный П. Е. Щеголевъ считаетъ умѣстнымъ въ своей замѣткѣ говорить о большевизмѣ и попрекать Блока лѣво-осерствомъ; тамъ Радловъ написалъ диалогъ о разныхъ предметахъ, но—увы—совсѣмъ не о Григорьевѣ и не о „Расей“, къ тому же диалогъ написанъ въ излюбленномъ петербуржцами стилѣ „коченѣвшаго Реми де Гурмона“, у котораго, отъ холода, рука стала столь же не поворотлива, какъ мысль и слогъ. И въ концѣ концовъ нѣсколько страницъ о Григорьевѣ написалъ лишь самъ Григорьевъ. Авторцензури всегда заياتны. Да и сдѣлать это Григорьевъ вполне живо. Одно лишь: это—не замѣтки молодого художника, а что-то вродѣ мемуаровъ маститаго мастера, завѣщаемыхъ потомству; въ нихъ есть и шелестъ авторскихъ лавровъ, и помясть о годахъ молодости, и похвальное слово учителямъ. Думается, словно бы не къ лицу все это начинающему Григорьеву. Впрочемъ, это его дѣло. Какъ бы то ни было,—въ общемъ „Расей“ можно считать вышедшей безъ нужнаго текста. Но и совершенно такъ же, ничуть не къ меньшей мѣрѣ, извращена оправка, созданная для иллюстрацій. Я говорилъ выше о простотѣ и сдержанности, которая одна какъ сѣдуетъ выдѣлила, ~~отъ~~ ~~сверхъ~~ ~~заключающую~~ ~~кспрессивность~~ григорьевскаго карандаша. Изданіе г. Яснаго поступило какъ разъ наоборотъ: рисунки, превосходно отпечатанные у Голике, съ пѣвѣройной, какой-то „до-военной“ или „до-революціонной“ чистотой и четкостью зажаты, забиты и утоплены въ разноцвѣтной и тяжеловѣсной мишурѣ обойной бумаги,—настоящей обойной бумаги, съ колерами и завитками, на которую наклеены оттиски григорьевскихъ рисунковъ; при этомъ тяжесть и нестрога поставлены, видимо, въ принципъ, ибо нѣтъ даже двухъ сходныхъ обойныхъ колѣровъ и штамповъ—каждый рисунокъ наклеенъ на обойной бумагѣ иного образца и иной окраски; можно подумать, что составлялась не художественная книга, а каталогъ обойной лавки, куда для занятности вложены рисунки, и гдѣ центръ тяжести, естественно, въ образцахъ предлагаемыхъ покупателю обоевъ,—словомъ затѣя еще менѣе понятная и оправданная, нежели разноцвѣтный текстъ трехъ авторовъ,—затѣя поставившая въ общемъ, по всему вѣдѣтъ изъясному, рекордъ неограниченности и распатанности отечественной книги.

Столько грѣшниковъ—неужели нѣтъ хотя бы одного праведника? На этотъ вопросъ я отвѣчу вопросомъ: неужели каждый изъ насъ, читателей—критиковъ, читателей-историковъ, утомленныхъ штудированьемъ вотъ всѣхъ этихъ книгъ и издавій, и еще болѣе—обильнымъ вычитываньемъ ихъ промаховъ и ошибокъ,—неужели, говорю я, мы не поставили бы во главу критическаго снопсиса какую-нибудь книгу праведнаго склада, хорошо написанную, хорошо аранжированную, хорошо изданную,—

„книгу отдыха“, въ лучшемъ значеніи слова? Но о томъ-то и рѣчь, что нѣтъ сейчасъ среди выпусковъ нашихъ художественныхъ издательствъ такой вотъ гармонической книги. Последнимъ праведникомъ былъ отличный альбомъ Жана Лепотра, много мѣсяцевъ назадъ выпущенный умно и заботливо все тѣмъ же Голике. А короткая вереница вышедшихъ книгъ, пробившихся въ щели национализированныхъ типографій и национализуемыхъ издательствъ, вся вышла ушибленная съ какого-нибудь бочка, а чаще—со всѣхъ сторонъ,—являя признаки общей растерянности и совершеннаго потрясенія, гдѣ авторъ, издатель, цинкографъ и наборщикъ выступаютъ равно пришибленными и ущемленными какими-нибудь краемъ несущейся стремительно внизъ мировой апокалиптической лавины. Но можетъ быть, при такихъ условіяхъ, наши нащипанные обѣ органической книгѣ—напрасны, а синодическіе промаховъ неумѣстны? И все, что нужно сейчасъ—это лишь умѣть во время закрывать глаза и говорить: „раз-копъ“? О, только не это! Растерянность, буря, ушибы, метанія—знаемъ, помнимъ, видимъ, и со всѣмъ этимъ считаемся. И все-таки наша забота и наше вниманіе—о другомъ и къ другому: мы силимся не утратить компаса,—не утратить вѣрнаго направленія и знанія пути. Какъ сочинители книгъ, мы всѣ изнемогли и не выльзасемъ нынѣ изъ ошибокъ, но какъ читатели, мы еще достаточно сиѣжки и чутки, ибо еще точно помнимъ о лучшихъ временахъ. Нечего этому удивляться, такъ какъ тутъ мы лишь пассивно, какъ компасъ—отклоненія и толчки, отмѣчаемъ пробѣлы и изъяны книги.

И если нужно все же искупленіе за эти долги упреки книгамъ и ихъ авторамъ,—то оно есть, но только оно въ другомъ: несмотря ни на что, мы все же бережно несемъ эту стопку художественныхъ книгъ домой, въ наши шкафы, преодолевая страсти авторовъ, бѣшенныя цѣвы издательствъ и упадочную технику типографій. Мы ставимъ ихъ по полкамъ почти съ цѣлостью, какъ необычныя и рѣдкія вещи,—ибо знаемъ, что принесли съ собой послѣднія книги, послѣднія во тѣхъ цѣляхъ художественныя книги.

Прежняя книга,—книга свободная и частная, созданная свободнымъ писателемъ, отписанная свободнымъ издателемъ и ищущая свободнаго читателя—снята нынѣ съ роССійскаго прилавка. На смѣну ей власть гонитъ новую книгу—книгу государственную, отпечатанную въ государственныхъ типографіяхъ, сложенную въ государственныхъ книжныхъ складахъ, почти принудительно продиктованную государственному автору программами государственныхъ органовъ искусства—художественными коллегіями, комиссіями охраны старины, комиссарскими отдѣлами эстетическаго образованія и т. п., почти принудительно разбѣченную среди государственнаго читателя при помощи школъ, пролеткультовъ, профессиональныхъ союзовъ, партійныхъ ячеекъ и т. д.

Хуже это или лучше? Какъ знать! Въ концѣ концовъ наша оцѣнка будетъ больше всего зависеть отъ того, насколько каждый изъ насъ одержимъ постальгической пропѣлаго. И если это не хуже и не лучше, то во всякомъ случаѣ это—книга иныхъ масштабовъ, иныхъ формъ и иного назначенія...

Москва, декабрь, 1918 г.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА

Не стало Якова Ивановича Смирнова! Въ Москву эта горестная вѣсть прибыла со значительнымъ опозданиемъ, и наши газеты ни единымъ словомъ не обмолвились о трагической кончинѣ выдающагося русскаго ученаго, пользовавшагося большой славой и за предѣлами своего отечества.

Покойный Смирновъ, родомъ сибирякъ, состоялъ старшимъ хранителемъ средневѣковаго отдѣленія Эрмитажа, профессоромъ петербургскихъ Университета и Археологическаго Института и считался однимъ изъ лучшихъ въ Европѣ знатоковъ средневѣковой археологии востока, которой и посвящены были главные его труды. Здѣсь не мѣсто перечислить эти послѣдние, какъ и многочисленныя болѣе мелкия его изслѣдованія, въ теченіе многихъ лѣтъ появлявшіяся въ издаваніяхъ русскихъ археологическихкихъ и другихъ ученыхъ обществахъ; отмѣтимъ лишь великолѣпный и капитальный атласъ „Восточное Серебро“ 1909 г., т.-в. сборникъ, воспроизведенный съ древней серебряной и золотой посуды восточнаго происхожденія, найденной преимущественно въ предѣлахъ Россіи, обширнѣйшій, объяснительный текстъ къ которому покойный Яковъ Ивановичъ все дополнял и уже не успѣлъ лично издать. Тоже въ рукописи осталось цѣнное изслѣдованіе его о знаменитомъ Ахалгарійскомъ кладѣ, въ 1912 г., поступившемъ въ Тифлисскій музей.

Я. И. Смирновъ, сошедшій въ могилу во цвѣтъ лѣтъ и въ разгарѣ научныхъ работъ, какъ до него многие изъ русскихъ дѣятелей науки, искусства и литературы, палъ жертвой неслыханно тяжелыхъ условий нашей текущей жизни. Съ нимъ исчезъ крупный европейскаго масштаба ученый, беззаветно преданный любимому предмету своихъ изслѣдованій и чуждый всякой житейской суеты.

*

Какъ уже окончательно выяснилось, нынѣшній московскій сезонъ художественныхъ выставокъ разворачивается на совсѣмъ новыхъ началахъ. Все дѣло выставокъ теперь централизовано и сосредоточено въ рукахъ состоящаго при Комиссариатѣ Народнаго Просвѣщенія „Всероссійскаго Центральнаго Выставочнаго Бюро“, въ составъ котораго вошли представители самого Комиссариата и профессиональныхъ художественныхъ союзовъ. Этимъ Бюро реквизировано большинство московскихъ выставочныхъ помѣщеній и только черезъ Бюро онѣ могутъ быть предоставлены отдѣльнымъ художественнымъ группамъ и организациямъ. Такъ какъ послѣднихъ въ Москвѣ много, а помѣщеній, пригодныхъ для выставокъ мало, то нѣкоторымъ обществамъ худож-

никовъ придется объединиться въ блокъ и устраивать свои выставки совместно въ одномъ помѣщеніи, конечно, сохраняя при этомъ полную автономію.

Выставки всѣ должны устраиваться по одному общему принципу. Уничтожаются всякаго рода жири, входъ долженъ быть бесплатный, а вдобавокъ выставки поочередно будутъ перевозиться съ одного района Москвы въ другіе и, по возможности, даже въ другіе города. Комиссариатомъ ассигнована довольно крупная сумма для приобретений художественныхъ произведеній на текущихъ выставкахъ. Пока еще въ точности не опредѣлилось, гдѣ и какія состоятся выставки; одной изъ первыхъ будетъ посмертная выставка недавно скончавшейся молодой художницы О. В. Розановой, представительницы крайнихъ лѣвыхъ теченій современной живописи.

*

Въ Рязани, подъ эгидой мѣстнаго губернскаго Комиссариата Народнаго Просвѣщенія, устраивается специальная выставка произведеній Филиппа Андреевича Малявина, на которой будетъ собрано около 50 крупныхъ картинъ художника и множество его этюдовъ и рисунковъ. Во время выставки ея организаторы предполагаютъ устроить рядъ чтеній по искусству, и съ этой цѣлью намѣчено приглашеніе нѣсколькихъ столичныхъ лекторовъ. Послѣ Рязани малявинская выставка перекоцуетъ въ Москву.

*

Одинъ изъ самыхъ интересныхъ и цѣнныхъ отдѣловъ Цвѣтковской Галлерей составляетъ ея богатое собраніе рисунковъ русскихъ художниковъ, въ обычномъ порядкѣ хранящихся въ папкахъ и недоступныхъ для обозрѣнія. Руководители Галлерей въ настоящее время приступили къ постепенному ознакомленію широкой публики съ содержаниемъ этихъ папокъ въ первую очередь устроили выставку подлинныхъ рисунковъ Ильи В. Рѣпина.

Въ рядѣ витринъ размѣщено нѣсколько десятковъ рисунковъ маститаго художника изъ разныхъ периодовъ его творчества, характерно и довольно полно отражающихъ очередныя эволюціи его фактуры, равно выдающія черты и слабыя стороны его таланта. Подробный каталогъ съ вступительными статейками А. П. Мюллеръ и А. В. Бакушинскаго пока на выставкѣ имѣется лишь въ одномъ экземплярѣ, отпечатанномъ на машинкѣ, но есть намѣреніе издать его даже съ иллюстраціями, что, конечно, очень желательно. Будемъ надѣяться, что за рѣпинскими рисунками вскорѣ послѣдуютъ выставки и другихъ серий листовъ изъ цвѣтковскаго собранія.

Р. В.

Къ рисункамъ, помѣщ. въ этомъ номерѣ; заставки на стр. 1 („Москва“) и 3—худ. Д. Митрохина. Концовки на стр. 3 и 15 — худ. С. Чехонина. Заставка на стр. 10—худ. Н. Пискарева. Концовка на стр. 13—худ. И. Нивинскаго. Заставки на стр. 6 и 7 и конц. на стр. 6—худ. В. Масютина.

Изд. Книгоиздательство „Творчество“

Редакторъ С. Абрамовъ.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
на двухнедѣльный художественно-литературный журналъ
„МОСКВА“
Подписная цѣна на 1 мѣс. 5 р.
Цѣна отд. № съ перес. 2 р. 75 к.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ:
Москва, Б. Чернышевскій пер., д. 12.
Книгоиздательство
„ТВОРЧЕСТВО“
Приемъ по дѣламъ редакціи
отъ 5—6 ч. вечера Телеф. 2-53-76.